

МИХАИЛ ФЕДОСЮК

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Studia Rossica Posnaniensia 39, 49-60

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

THE RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

МИХАИЛ ФЕДОСЮК

ABSTRACT. This article shows that the Russian language as well as information about the peculiarities of Russian culture can be acquired by using the descriptions of this language and culture in terms of systemic linguistics (see Prof. G.P. Melnikov's papers, 1928-2000). Systemic linguistics explains the peculiarities of any language by demonstrating the needs that result from the nature of the group of people speaking a particular language. The group of Russian speakers is very large and very homogeneous. Under these conditions, Russian has developed a subtle technique for describing any situations as developing events. If it is necessary to describe a static situation Russian uses either unusual analytic constructions or syntactic metaphors which describe static situations as dynamic ones.

Михаил Федосюк, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва – Россия.

Еще в 1871 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал ограниченность „описательного, крайне эмпирического” направления в языкознании, которое ставит „себе задачей собирать и обобщать факты чисто внешним образом, не вдаваясь в объяснение их причин и не связывая их между собой на основании их средств и генетической зависимости”¹. Ученый отдавал предпочтение „истинно научному” направлению, цель которого состоит: „1) в объяснении явлений соответственным их сопоставлением и 2) в отыскивании сил и законов, т.е. тех основных категорий или понятий, которые связывают явления и представляют их как непрерывную цепь причин и следствий”². Следуя традиции, заложенной младограмматиками, И.А. Бодуэн де Куртенэ именовал это направление „историческим”, однако точнее было бы назвать его объяснительным.

---

¹ И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Некоторые общие замечания о языковедении и языке*, [в:] В.А. Звегинцев, *История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях*, Москва 1964, с. 264.

² Там же, с. 266.

Представляется, что лишь к нашему времени лингвистика накопила достаточное количество знаний, чтобы перейти от описательного подхода к русскому языку к объяснительному представлению его системы, которое крайне необходимо как с теоретической точки зрения, так и в чисто практическом плане, в частности для эффективного преподавания русского языка как неродного.

Ниже я попытаюсь показать, что успешному усвоению как русского языка, так и сведений об особенностях русской культуры может способствовать их рассмотрение в соответствии с принципами системной лингвистики, изложенными в трудах Г.П. Мельникова (1928–2000)³ и его последователей. При этом культура в данном случае понимается максимально широко – как „специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе“⁴, т.е., иными словами, как „продукт социальной, а не биологической активности людей“⁵.

Основоположниками системной лингвистики Г.П. Мельников считал В. фон Гумбольдта, И.И. Срезневского, А.А. Потебню и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Системная лингвистика противопоставлена лингвистике структурной, поскольку учитывает не только структуру, но и субстанцию языковых элементов, а также системные связи между ними. Она отрицает тезис Ф. де Соссюра о немотивированности языкового знака и, соответственно, о немотивированности устройства системы любого языка. Язык рассматривается в системной лингвистике не как средство мышления (оно у всех народов едино), а как средство передачи мыслительного содержания. При этом разные народы используют неодинаковые способы передачи мыслительного содержания, поскольку эти способы находятся в тесной зависимости от специфики коммуникативных потребностей, которые возникают в каждом из типов языковых коллективов и зависят, во-первых, от величины языкового коллектива, во-вторых, от степени его однородности и, в-третьих, от распределения в этом коллективе актов коммуникации во времени.

---

³ Г.П. Мельников, *Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной*, Москва 2000; его же, *Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики*, „Вестник Российского университета дружбы народов“ 2003, № 4, № 5; его же, *Системная типология языков: принципы, методы, модели*, Москва 2003; его же, *В чем состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено*, „Политическая лингвистика“ 2012, № 2 (40).

⁴ *Философский энциклопедический словарь*, Москва 1983, с. 292.

⁵ Н.Б. Мечковская, *Социальная лингвистика*, Москва 1996, с. 49.

Важнейшими типами языковых коллективов, которые выделяет системная лингвистика, являются следующие:

1. Однородные микроколлективы племен охотников-собирателей. Все члены подобных коллективов знают друг друга и хорошо осведомлены обо всех происходящих в данном коллективе событиях, а потому типичные сообщения в этих коллективах имеют емкую форму слов-предложений, которые одновременно обозначают текущее положение дел и всех его участников. Иными словами, однородным микроколлективам свойственны языки инкорпорирующего строя, которые оперируют такими, например, единицами, как слово-предложение одного из языков мексиканских индейцев *ninasaqna* – буквально ‘я-мясо-ем’⁶. В русской речи приблизительную аналогию подобным единицам можно увидеть в тех однословных сообщениях, которые бабушка маленького ребенка передает по телефону ушедшей на работу, но хорошо осведомленной о текущей ситуации маме: *Проснулся; Покушал; Погуляли; Спит.*

2. Однородные макроколлективы, т.е. коллективы, имеющие такие размеры, при которых все их члены еще хорошо осведомлены друг о друге и об основных актуальных для этих коллективов объектах, однако при этом уже могут не располагать необходимой им информацией о текущих состояниях этих объектов. Для таких коллективов характерны языки эргативного строя, где в соответствии с трактовкой Г.П. Мельникова подлежащие называют некоторые объекты, а сказуемые – не действия, а статические признаки, приобретенные этими объектами. Примером языка эргативного строя может служить аварский язык, в котором сообщение ‘Теленок пришел’ имеет вид *Бече б-ачлана* – буквально ‘Теленок приходный’, а сообщение ‘Я пригнал теленка’ выглядит как *Ди-ца бече б-ачана* – буквально ‘Через меня теленок приходный’⁷. В русской речи некоторую аналогию предложениям эргативного строя можно увидеть в тех высказываниях, которыми, возможно, станут обмениваться бывшие одноклассники, встретившись через несколько лет после окончания школы: *Иванов теперь большой начальник, Петрова – многодетная мать, Сидоров до сих пор неженат, а Кузнецов в Америке.*

3. Однородные мегаколлективы, т.е. оседлые коллективы, разросшиеся до таких размеров, при которых подавляющее большинство членов незнакомы друг с другом и не располагают общими сведениями о многих текущих событиях. Большая однородность этих коллекти-

⁶ В. Гумбольдт фон, *Избранные труды по языкознанию*, Москва 1984, с. 146.

⁷ Г.А. Климов, *Эргативный строй*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, с. 593.

вов предполагает их потребность в высокой помехоустойчивости языка, которая необходима для надежного многоступенчатого распространения социально значимой информации по всей занимаемой данным народом территории. Эту потребность в максимальной степени реализуют языки номинативного строя с их установкой по мере возможности описывать любые ситуации как активные действия неких субъектов. К числу языков номинативного строя принадлежат индоевропейские языки, и в частности русский.

Иллюстрируя сказанное, попытаемся оценить с точки зрения предсказуемости два предложения: *Теленок дома* и *Я пригнал теленка домой*. Первое из этих предложений, описывающее текущее состояние теленка, не обладает высокой предсказуемостью: воспринимая слово *теленка*, трудно предвидеть, какие слова последуют в предложении далее. Во втором предложении та же ситуация описана как действие. При использовании подобной конструкции словоформа *наступ* заставляет слушающего ожидать, что дальше последует обозначение какого-либо действия, а словоформа *пригнал*, в свою очередь, побуждает его прогнозировать то, что далее будет указан, во-первых, объект действия, и, во-вторых, то место, куда этот объект был пригнан. При этом соответствие воспринимаемого высказывания первоначальному прогнозу адресата станет свидетельствовать о правильности понимания, а несоответствие прогнозу, напротив, будет воспринято адресатом как сигнал о том, что в процессе коммуникации были допущены какие-либо ошибки, и побудит его к поиску поправок и уточнений.

4. Неоднородные коллективы, возникшие в результате исторически относительно быстрого смешения разноязычных народов. Поскольку от членов подобных коллективов трудно ожидать хорошего усвоения какой-либо общей грамматики, а поддержание текущих контактов в данном случае оказывается гораздо важнее помехоустойчивости языка, оптимальными для них являются языки корнеизолирующего строя, т.е. языки типа китайского. Примером сообщения на корнеизолирующем языке может служить сообщение 'Я не пью чая', звучащее по-китайски как *Ча во бу хэ* – буквально 'Чай я не пить'. О закономерностях корнеизолирующих языков позволяет судить и следующее высказывание, которое мог бы произнести иностранец, плохо владеющий русским языком: *Моя твоя мал-мал понимать* 'Я тебя немного понимаю'.

В соответствии с концепцией Г.П. Мельникова первоначально все индоевропейские языки вырабатывали в себе свойства, необходимые для языков однородных мегаколлективов, однако с течением времени многие из них попали в условия смешения разноязычных народов и были вынуждены начать движение по пути к корнеизоляции, т.е.

развивать технику аналитизма. Что же касается русского языка, то, отличаясь от других индоевропейских языков, в том числе и от языков славянских, очень высоким числом носителей и большой территорией распространения, он реализовал все исходно характерные для индоевропейских языков тенденции наиболее полно и последовательно.

Таким образом, в русском языке в гораздо большей степени, чем в других индоевропейских языках, развилась установка на описание любых ситуаций как активных действий. Совершенно очевидно, что именно привычка к тому, что любые ситуации описываются русским языком преимущественно как действия, заставляют нас даже к сказуемым таким предложениям, как *Сестра спит* или *Ребенок болеет*, ставить вопрос *Что делает?*, хотя сон или болезнь являются совсем не действиями, а состояниями.

Однако как быть, если возникает необходимость передать сообщение не о действии, а о статическом положении дел, например о существовании в некотором месте какого-нибудь объекта? Как показывают наблюдения, в подобных ситуациях русский язык может использовать две разновидности средств. В одних случаях он отказывается от применения характерных для него синтетических грамматических способов и обращается к простому соположению начальных форм слов, т.е. к использованию таких аналитических конструкций, как *Пушкин – поэт* или *Сегодня мороз*, которые Ф.Ф. Фортунатов именовал неграмматическими словосочетаниями⁸. В других случаях язык прибегает к использованию синтаксических метафор, образно обозначающих статические ситуации как действия.

Если говорить более конкретно, то аналитический (или, по Ф.Ф. Фортунатову, „неграмматический“) способ информирования о существовании предметов или явлений реализуют так называемые номинативные предложения. Этот способ наиболее часто используется либо в поэзии (вспомним, например, стихотворение А.А. Фета *Шепот, робкое дыханье...* или строки А.А. Блока „Ночь, улица, фонарь, аптека, // Бессмысленный и тусклый свет...“), либо в драматургических ремарках. Вот, например, какими номинативными предложениями начинается текст четвертого действия драмы А.П. Чехова *Три сестры*:

Старый сад при доме Прозоровых. Длинная еловая аллея, в конце которой видна река. На той стороне реки – лес. Направо терраса дома; здесь на столе бутылки и стаканы [...].

Что же касается русских прозаических текстов, то в них сообщения о существовании предметов гораздо чаще выражаются метафори-

⁸ Ф.Ф. Фортунатов, *О преподавании грамматики русского языка в средней школе*, [в:] его же, *Избранные труды*, Москва 1956, с. 453.

чески. Проанализируем следующий пейзажный фрагмент из повести А.П. Чехова *Степь*:

Между тем перед глазами ехавших *расстилась* уже широкая, бесконечная равнина, *перехваченная* цепью холмов. *Теснясь* и *выглядывая* друг из-за друга, эти холмы *сливаются* в возвышенность, которая *тянется* вправо от дороги до самого горизонта и *исчезает* в лиловой дали [...].

Нетрудно увидеть, что здесь сообщается о простом существовании в поле зрения ехавших, во-первых, равнины, во-вторых, цепи холмов и, в-третьих, возвышенности. Однако это существование метафорически описывается как последовательность действий, соответствующих глаголам *расстиаться*, *перехватить*, *тесниться*, *выглядывать*, *сливаться* и *исчезать*.

Аналогична описанной и ситуация с построением сообщений о принадлежности предметов к определенным классам. В русских художественных и разговорных текстах для этой цели обычно используются аналитические („неграмматические“) конструкции типа *Пушкин – поэт*, например:

– *Вы – писатель?* – с интересом спросил поэт.

Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал:

– *Я – мастер*, – он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой „М“. (Булгаков, *Мастер и Маргарита*)⁹.

Однако то же самое содержание может быть выражено по-русски и синтетически – при помощи метафоры действия. Правда, в данном случае использование метафорического способа передачи содержания характерно не для художественных, а для официально-деловых или научных текстов, где вполне обычны предложения типа *Он является писателем* или *Я являюсь мастером* (не будем забывать, что прямое значение глагола *являться* – это ‘приходить, прибывать куда-либо’, а его употребление как глагола-связки основано на метафорическом понимании).

Статические положения дел представляют собой и состояния тех или иных лиц или пространств. Описывая состояния, русский язык может использовать составные именные сказуемые, включающие в свой состав прилагательные, типа *Он рад / грустен / горд / зол*, но может прибегать и к простым глагольным сказуемым типа *Он радуется / грустит / гордится / злится*, а также *Он боится / скушает / беспокоится / негодует*. Сопоставляя английский язык, в котором эмоциональные состояния в подавляющем большинстве случаев обозначаются при помощи ска-

⁹ Здесь и далее знак // соответствует началу нового абзаца в цитируемом тексте.

зуемых-прилагательных, с русским языком, где при обозначении состояний широко используются простые глагольные сказуемые, А. Вежбицкая утверждает, что это прямое следствие того, что русскому национальному характеру свойственна эмоциональность – „ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном волеизъявлении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков”¹⁰. Однако, учитывая все сказанное выше, логичнее предположить, что богатство глагольных средств для обозначения эмоций, скорее, является следствием характерной для русского языка установки на описание любых ситуаций как активных действий.

Переходя к рассмотрению двух следующих текстов, задумаемся о том, с какой целью в них употреблены конструкции безличных предложений:

Уже давно *смеркалось*. [...] Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу *занесло*; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу. [...] Но ему *казалось*, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской рощи (Пушкин, *Метель*);

У Александры Михайловны с похмелья болела голова, ее *тошнило*, и все кругом казалось еще серее, еще отвратительнее, чем всегда. Таня не пришла. У Александры Михайловны *щемило* на душе, что и сегодня утром, до работы, она не провела Таню [...] (Вересаев, *Два конца*).

По мнению А. Вежбицкой, широкое использование русским языком безличных конструкций обусловлено двумя факторами. Первый из них – это свойственное русским людям „подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни”, второй – „ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий”¹¹. Однако совершенно очевидно, что такое объяснение является следствием осознанного или неосознанного отождествления языка и мышления. Если же исходить из того, что, как было показано выше, опти-

¹⁰ А. Ве ж б и ц к а я, *Русский язык*, [в:] ее же, *Язык. Культура. Познание*, Москва 1996, с. 33–34.

¹¹ Там же, с. 34.

мизация общения в русском языковом коллективе с давних времен требовала, чтобы язык, насколько это возможно, описывал любые ситуации как активные действия, то объяснение причин существования безличных предложений, разумеется, будет совсем иным. Легко увидеть, что русские безличные предложения направлены на то, чтобы там, где это возможно, метафорически описывать состояния живых существ и окружающей среды как действия. Однако поскольку речь в подобных случаях обычно приходится вести о таких действиях, производителей которых определить невозможно, в безличных предложениях, как обычно пишут в школьных учебниках, „нет и не может быть подлежащего“.

Рассмотрим еще один пример – предложение „Хозяйка с весны *отдавала* сад в наем за несколько рублей” и результат его пассивной трансформации – предложение „Сад *отдавался* хозяйкой с весны в наем за несколько рублей” (Достоевский, *Братья Карамазовы*). Легко заметить, что в подавляющем большинстве индоевропейских языков эквивалент предложения „Сад *отдавался* хозяйкой в наем” будет содержать в своем составе не простое глагольное сказуемое типа *отдавался*, а составное именное сказуемое, включающее в свой состав страдательное причастие, типа *был отдаваем*. Ср. в английском переводе романа *Братья Карамазовы*: “The garden was let out for a few roubles for the summer”¹². Что же касается русского языка, то в нем сказуемое со страдательным причастием может быть использовано только как пассивный эквивалент активной конструкции, имеющей форму совершенного вида: „Хозяйка *отдала* сад” – „Сад *был отдан* хозяйкой”. Для передачи же значения несовершенного вида русский язык, как и во многих других уже рассмотренных выше случаях, прибегает к синтаксической метафоре: свойство сада, обусловленное действиями его хозяйки, образно описывается как такое действие этого сада, которое направлено на сам этот сад и которое сад производит посредством хозяйки как инструмента этого действия: „Сад *отдавался* (т.е. буквально ‘отдавал себя’) хозяйкой с весны в наем за несколько рублей”.

Перейдем теперь к рассмотрению сложных предложений. В синтаксисе сложного предложения одной из наиболее важных черт своеобразия русского языка является богатая техника, предназначенная для построения многокомпонентных сложных предложений, а также предложений, осложненных различными типами обособленных оборотов. Рассматриваемая особенность русского синтаксиса получает ши-

¹² *The Brothers Karamazov*. Translated from the Russian of Fyodor Dostoyevsky by Constance Garnett, с. 109, [электронный ресурс:] <http://www.gutenberg.org/files/28054/28054-h/28054-h.html#toc39> (18.08.2012).

рокое использование в том типе русской художественной прозы, которую Н. Д. Арутюнова именуется „классической” или „иерархической”. По наблюдениям Н.Д. Арутюновой, упомянутый тип прозы

развивает и совершенствует по преимуществу технику синтагматического аспекта синтаксиса, являющегося для него доминантой. Создается чрезвычайно разветвленная и тонко нюансированная система синтагматических средств связи, разрабатываются способы иерархического соотнесения элементов предложения, формируется длинный синтагматический период, включающий в себя несколько грамматических центров актуализации высказывания – глаголов в личной форме¹³.

В качестве примеров иерархического типа русской художественной прозы можно было бы привести фрагменты текстов таких классиков русской литературы, как Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой или Ф.М. Достоевский. К ним можно было бы добавить еще и экспериментальное произведение нашего современника Виктора Пелевина – его рассказ *Водонапорная башня*, состоящий лишь из одного сложного предложения, которое, однако, занимает несколько страниц и включает в свой состав около 2800 слов и 266 предикативных единиц¹⁴. Однако не менее, а, возможно, даже и более показательной иллюстрацией в данном случае может служить литературная пародия на иерархический тип прозы.

Изображая, как выглядели бы в прозе А. Фадеева известные строки „Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все было покрыто снегом” из *Капитанской дочки* А.С. Пушкина, известный советский пародист А.Г. Архангельский предлагал читателям такой текст:

С тем смешанным чувством грусти и любопытства, которое бывает у людей, покидающих знакомое прошлое и едущих в неизвестное будущее, я приближался к месту моего назначения.

Вокруг меня простирались пересеченные холмами и оврагами, покрытые снегом поля, от которых веяло той нескрываемой печалью, которая свойственна пространствам, на которых трудится громадное большинство людей для того, чтобы ничтожная кучка так называемого избранного общества, а в сущности, кучка пресыщенных паразитов и туеядцев, пользовалась плодами чужих рук, наслаждаясь всеми благами той жизни, порядок которой построен на пороках, развороте, лжи, обмане и эксплуатации, считая, что такой порядок не

¹³ Н.Д. Арутюнова, *О синтаксических типах художественной прозы*, [в:] *Синтаксис современного русского языка: хрестоматия и учебные задания*, Санкт-Петербург 2009, с. 680–681.

¹⁴ В. Пелевин, *Водонапорная башня*, [электронный ресурс:] <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-bashn/1.html> (18.08.2012); см. также: Г.Н. Акимова, „Водонапорная башня” В. Пелевина – синтаксический нонсенс?, [в:] *Синтаксис современного русского языка: хрестоматия и учебные задания*, Санкт-Петербург 2009.

только не безобразен и возмутителен, но правилен и неизменен, потому что он, этот порядок, основанный на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплуатации, приятен и выгоден развратной и лживой кучке паразитов и тунеядцев, которой приятней и выгодней, чтобы на нее работало громадное большинство людей, чем если бы она сама работала на кого-нибудь другого (Архангельский, *Пародии*).

Легко понять, что, развивая технику описания любых ситуаций как активных действий, русский язык должен был выработать и богатую технику для обозначения различных типов отношений между этими действиями. Это обстоятельство и объясняет то большое многообразие средств, которыми русский язык располагает в области синтаксиса сложного и осложненного предложения.

Завершая наши рассуждения о русском языке, проанализируем следующий пример, относящийся уже к уровню синтаксиса текста:

На другой день, ровно в двенадцать часов, гробовщик и его дочери вышли из калитки новокупленного дома и отправились к соседу. Не стану описывать ни *русского кафтана Адрияна Прохорова*, ни *европейского наряда Акулины и Дарьи*, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами. [...] *Тесная квартирка сапожника* была наполнена гостями, большею частию немцами-ремесленниками, с их женами и подмастерьями. [...] Господин и госпожа Шульц и дочка их, семнадцатилетняя Лотхен, обедая с гостями, все вместе угощали и помогали *кухарке* служить. [...] Вдруг хозяин потребовал внимания и, откупоривая засмоленную бутылку, громко произнес по-русски: „За здоровье *моей доброй Луизы!*“. *Полушампанское* запенилось. Хозяин нежно поцеловал *свежее лицо сорокалетней своей подруги*, и гости шумно выпили здоровье доброй Луизы (Пушкин, *Гробовщик*).

Нетрудно заметить, что выделенные в данном примере номинативные единицы выступают в качестве носителей сообщений. Из этих единиц можно вывести информацию о том, что Адриан Прохоров был одет в русский кафтан, а на его дочерях был европейский наряд, что дочерей Адрияна звали Акулина и Дарья, а также что квартирка сапожника Шульца была тесной, что у супругов Шульц была дочка, которая вместе с родителями находилась дома, что обслуживать гостей помогала кухарка, а в засмоленной бутылке у Шульца было полушампанское и, наконец, что жену Шульца звали Луиза, ей было сорок лет и лицо ее было свежим. При этом все перечисленные сообщения переданы не явно, т.е. не при помощи предложений, а имплицитно. Подобный способ передачи информации очень характерен для пушкинской манеры повествования¹⁵.

¹⁵ М.Ю. Федосюк, *Неявные способы передачи информации в тексте*, Москва 1988; M. Fiedosiuk, *О пушкинских традициях в прозе М. Булгакова*, [В:] E. Fryska, J. Mędelska, *Kilka rozpraw filologicznych*, Bydgoszcz 1997.

Однако задумаемся: какие смысловые типы сообщений в этом примере переданы эксплицитно, а какие – имплицитно? Легко увидеть, что эксплицитную форму здесь имеют сообщения о действиях персонажей (герои вышли из дома и отправились в гости, хозяева их угощали, затем был произнесен тост и все выпили); имплицитное же оформление имеют сообщения о таких статических характеристиках, как одежда героев, их имена, характер интерьерера и т.п. Как видим, и в этом проявляется рассматриваемая нами установка русского языка на преимущественную передачу информации не о свойствах или состояниях объектов, а о действиях.

Переходя от рассмотрения русского языка к анализу особенностей русской культуры, Г.П. Мельников постоянно демонстрировал в своих лекциях, что повышенное внимание носителей русского языка к динамическим событиям не может не проявляться и в различных элементах культуры. С этой точки зрения Г.П. Мельников, в частности, комментировал интересные наблюдения Д.С. Лихачева, получившие отражение в его *Заметках о русском*.

Вот одно из них:

В русской пейзажной живописи очень много произведений, посвященных временам года: осень, весна, зима – любимые темы русской пейзажной живописи на протяжении всего XIX в. и позднее. И главное в ней не неизменные элементы природы, а чаще всего временные: осень ранняя или поздняя, вешние воды, тающий снег, дождь, гроза, зимнее солнце, выглянувшее на мгновение из-за тяжелых зимних облаков, и т.п. [...]

Интересно, что русские художники, оказываясь за границей, искали в своих пейзажах эти перемены времени года, времени дня, эти „атмосферические“ явления. Таков был, например, великолепный пейзажист, оставшийся русским во всех своих пейзажах Италии именно благодаря этой своей чуткости ко всем изменениям „в воздухе“, – Сильвестр Щедрин¹⁶.

Как видим, повышенное внимание носителей русского языка к динамическим событиям обусловило динамичность даже такого статичного по своей природе жанра живописи, как пейзаж.

А вот другое наблюдение Д.С. Лихачева:

Одна из самых типичных черт русских городов – их расположение на высоком берегу реки. Город виден издали и как бы втянут в движение реки: Великий Устюг, волжские города, города по Оке. Есть такие города и на Украине: Киев, Новгород-Северский, Путивль. Это традиции Древней Руси – Руси, от которой пошла Россия, Украина, Белоруссия, а потом и Сибирь с Тобольском и Томском...

¹⁶ Д.С. Л и х а ч е в, *Заметки о русском*, [в:] его же, *Земля родная*, Москва 1983, с. 60–61.

Город на высоком берегу реки в вечном движении. Он „проплывал“ мимо реки¹⁷.

Сказанное, комментировал Г.П. Мельников, наглядно свидетельствует о том, что и в расположении российских городов получало отражение пристальное внимание русских людей к динамике. Оно, по наблюдениям ученого, проявляется или проявлялось и в целом ряде других явлений русской культуры. К их числу можно отнести, например, одновременное изображение нескольких разных временных фаз одного и того же события в древнерусской живописи, многоголосие в русском народном пении, динамическую композицию музыкальных произведений русских композиторов и т.д.

Подводя общие итоги всему сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что своеобразие системы русского языка в значительной степени обусловлено ее ориентацией на преимущественное описание не статических ситуаций, а динамических событий – действий, причем эта ориентация вытекает из коммуникативных потребностей, характерных для большого однородного языкового коллектива. Аналогичная установка получила отражение и в других индоевропейских и в особенности славянских языках, однако русский язык отразил ее наиболее полно. Только что упомянутыми особенностями русского языкового коллектива можно объяснить и многие черты русского национального характера и русской культуры.

Описание русского языка и русской культуры с этих позиций в ходе учебного процесса даст возможность продемонстрировать взаимную связь целого ряда, казалось бы, разнородных фактов и не только констатировать эти факты, но и высказать предположение о причинах их возникновения.

---

¹⁷ Там же, с. 66–67.